

Локомотив литературной Сибири

Почти всё время своего существования Новосибирская область оставалась не только крупнейшим промышленным, транспортным, научным, культурным центром Сибири, но и средоточием лучших её литературных сил. С Новосибирской областью связаны судьбы многих хорошо известных в России мастеров слова разных поколений. И не случайно целый ряд улиц областного центра назван в их честь.

При этом литературная история НСО началась на десяток лет раньше образования самой области – фактически сразу же после революции 1917 года и Гражданской войны. В июле 1921 года возникла «Новониколаевская артель поэтов и писателей», куда входило чуть более двух десятков литераторов. Она, собственно, и явилась первым импульсом литературной жизни НСО, которая разгорится по-настоящему чуть позже, когда потянутся в Новониколаевск молодые, но уже с серьёзным жизненным опытом, писатели из разных уголков страны, готовые поставить свой талант делу создания новой – советской – литературы.

Тогда же, на пороге двадцатых годов, в Новониколаевске стали возникать и первые альманахи и журналы – «Арпоэпис», «Таёжные зори», «Пролетарские побегии». Правда, были они слабы, маловыразительны, и век имели недолгий – едва хватало их на два-три номера. Поэтому мощными центрами притяжения разрозненных творческих сил стать не могли. А роль подлинного литературного лидера была уготована историей другому периодическому изданию – журналу «Сибирские огни»...

«Сибирские огни» стали по времени возникновения (их дебют состоялся 100 лет назад, в марте 1922 года) вторым после московской «Красной нови» литературно-художественным журналом Советской России и сразу же были замечены как в Сибири, так и в Центре. А нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский в кратком отзыве, опубликованном 22 апреля 1922 года в «Советской Сибири», в частности, писал: «Этот журнал приходится признать лучшим из провинциальных».

В числе первых «костровых» «Сибирских огней» были супруги Лидия Сейфуллина и Валериан Правдухин. Прожили они в Новониколаевске недолго (с 1921 по 1923-го), но оставили после себя и яркий след, и долгую память.

Разгорающийся костёр «Сибирских огней» притягивал к себе писателей разных поколений. Уже через год вокруг журнала сложилась сильная литературная дружина: поэты и прозаики Георгий Вяткин, Кондратий Урманов, Вивиян Итин, поэт Иван Ерошин, прозаик и краевед Максимилиан Кравков... А в 1923 году в Новониколаевске обосновался один из самых ярких и самобытных сибирских писателей первой половины XX столетия Владимир Зазубрин, вскоре возглавивший «Сибирские огни». Костяк этот и далее продолжал обрастать литературным «мясом», но именно они заложили фундамент самого крупного и сильного в будущем писательского отряда Сибири.

С чем же шли к читателю новосибирские писатели той поры? На этот вопрос в статье «Литературная пушнина», написанной по поводу пятилетия «Сибирских огней», отвечал в своё время В. Зазубрин:

«Тематически до последнего времени на первом месте у сибирского писателя стояла Гражданская война, на втором – годы голода и военного коммунизма. К темам послевоенным

писатель повернул только в 1926 году»*. Здесь же он отмечал, что «и новые люди проходят перед читателем на фоне боёв, пожаров и голода», что «наш писатель – боец и строитель» и что, за небольшим исключением, «сибирская литература и поэзия пока ещё по основным своим настроениям – крестьянские».

И действительно, Гражданская война, колчаковщина, сибирская деревня на «великом переломе» становятся главными темами для большинства сибирских писателей двадцатых годов. Хотя тематический их диапазон был, конечно же, шире. О чём весьма красноречиво, например, свидетельствует творчество Павла Васильева той поры, в котором находилось место и эпическим картинам прошлого Сибири, и её мощным преобразовательским процессам настоящего, а с другой стороны – неисчерпаемой любовной лирике.

Кстати говоря, П. Васильев имел к Новосибирску так же самое непосредственное отношение. Здесь, по сути, начиналась его творческая судьба. В 1928 году он работает инструктором физкультуры в детском доме Новосибирска. А «Сибирские огни» дали юному поэту путёвку в литературную жизнь, опубликовав в 1927 и 1928 годах две большие стихотворные подборки. Не раз печатал журнал П. Васильева и впоследствии.

Первое после Гражданской войны десятилетие было для сибирской литературы сложным и трудным. Отмечено оно в первую очередь собиранием и объединением разрозненных литературных сил на гигантских просторах Сибири. Главной ареной этого объединения стал Новосибирск. У писателей, группировавшихся вокруг «Сибирских огней», возникла мысль о создании единой сибирской литературной организации. Идея реализовалась на состоявшемся в марте 1926 года в Новосибирске Первом съезде сибирских писателей,

* «Сибирские огни», 1927. – №1.

на котором был создан Союз сибирских писателей (ССП). Большинство членов правления ССП во главе с его председателем В. Зазубриным составляли новосибирские писатели.

ССП быстро завоевывал авторитет и влияние. Но нормальное развитие литературного процесса сильно осложняла групповая борьба, развязанная Сибирской ассоциацией пролетарских писателей и экстремистки настроенной группой «Настоящее» при одноимённом журнале. Развернулась травля руководителей ССП, в результате которой В. Я. Зазубрин вынужден был покинуть Новосибирск. И только постановление ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», упразднявшее все прежние литературные организации в центре и на местах, положило конец групповщине. Что не замедлило сказаться на творчестве: писатели отныне могли заниматься им более активно и плодотворно.

Сменился и сам вектор их творческой направленности. Приоритетными становились не темы революционной борьбы, а отображение происходящих в стране социально-экономических преобразований. Разворачивалась индустриализация (в одном только Новосибирске возводилось сразу несколько промышленных гигантов). А бок о бок с нею шла не менее масштабная (только, пожалуй, куда более драматичная) коллективизация. Большие изменения происходили в культуре, национальном вопросе... Социально-экономические подвижки такой силы и размаха не могли оставить равнодушными мастеров слова, они остро волновали и внушали чувство необычайного оптимизма. Как вспоминал впоследствии Вс. Иванов: «В светлое завтра верили все – и писатели, и критики, и читатели». Что, разумеется, не могло не отразиться на литературных произведениях.

Характеризуя основные тенденции развития литературы Сибири конца 20-х и в 30-е годы прошлого века, В. Итин в

статье «Внимание качеству культуры» констатировал: «Тема превращения отсталой страны – в страну крупной индустрии, вооружённой самой передовой современной техникой, в страну крупнейшего в мире социалистического земледелия, превращения мелкого собственника в колхозника, кочевника, – в строителя социализма, малограмотного парня – в научного работника и т. п. – является и становится главной темой советской литературы в Сибири»*.

И эта «главная тема» разрабатывалась сибирскими писателями в разных жанрах. В первую очередь, конечно, новосибирскими, поскольку Новосибирск по-прежнему оставался литературным флагманом Сибири. Достаточно сказать, что на Первом съезде писателей СССР (1934) писательский отряд из Новосибирска был самым представительным после Москвы и Ленинграда.

В фокусе пристального «столичного» внимания новосибирские писатели не раз оказывались и после этого всесоюзного форума. А вот связи с читателями-земляками у них были постоянными и прочными.

Весьма наглядным тому примером может служить состоявшаяся в Новосибирске в мае 1936 года краевая литературная конференция, созданная по инициативе первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе. Почти все выступавшие на ней отмечали огромный интерес читателей к художественной литературе. И вот что интересно. В конференции участвовали далеко не только люди пишущие. Из трёхсот присутствующих на ней делегатов профессиональных писателей набиралось не более двух десятков. Конференция была широко представлена различными социальными группами. Присутствовали на ней и рабочие, и колхозники,

* Итин В. Внимание к качеству культуры. — «Сибирские огни», 1934. — №1. — С. 196.

и политработники, и библиотекари, и журналисты, и актёры, и художники, и военные. В работе конференции в качестве гостей принимали участие писатели из Москвы, Украины, Грузии.

Вторая половина 1930-х годов для советских писателей была не только временем сплочения и большого подъёма, но также многих тяжёлых непоправимых утрат. Страна вступала в чёрную полосу репрессий, которые больно ударили по всему обществу, включая, конечно, и литературу. Понесли урон и новосибирские писатели, не досчитавшись в своих рядах к концу сороковых годов целого ряда талантливых собратьев. Один за другим навсегда исчезли в чреве «чёрных воронов» В. Вегман, Г. Вяткин, В. Итин, М. Кравков... Скорбный этот список можно было бы продолжить и такими бывшими новосибирцами, как В. Зазубрин, М. Басов, В. Правдухин.

А страна тем временем стояла на пороге ещё больших испытаний...

Великая Отечественная война – особая страница в нашей литературе. Эти густо пропитанные кровью годы отложили свой отпечаток и на произведениях писателей той поры, и на их судьбах, и вообще на литературной обстановке и жизни Новосибирска – такого, вроде бы очень далёкого от полей сражений города. Но вот что писал по этому поводу, выражая общее самочувствие писателей-сибиряков, в одной из статей военных лет публицист и очеркист Савва Кожевников: «Сибирь далеко от фронта. Но она далеко, если расстояние измерять по географической карте. Фронт Отечественной войны мы воспринимаем сердцем. И он для нас настолько близок, что мы, кажется, слышим лязг и скрежет танковых колонн, видим взрывы артиллерийских снарядов и фугасных бомб. Ведь фронт проходит по нашей Родине».

Уже на другой день войны, 23 июня 1941 года, писатели со страниц газеты «Советская Сибирь» заявили: «Будем бить врага и штыком, и пером». Что и делали в самом буквальном смысле. И в первую очередь те, кто надел солдатскую шинель. На фронтах Великой Отечественной в составе сибирских добровольческих дивизий в первые же месяцы оказались Евгений Березницкий, Николай Кудрявцев, Александр Куликов, Александр Смердов, уже успевшие заявить о себе в предвоенные годы как талантливые поэты и прозаики, и всем ещё юный Борис Богатков. Троим из них (Березницкий, Богатков, Кудрявцев) не было суждено вернуться в родной город никогда.

Писатели, оставшиеся в тылу, тоже приближали победу над врагом, но их главным оружием было перо.

Правда, издательская деятельность в начале войны в Новосибирске была резко сокращена. Даже выпуск «Сибирских огней» на недолгое время был прекращён. Но зато теперь прозаики, публицисты и поэты стали широко печататься в областных и армейских газетах, где призывали соотечественников на ратные подвиги и героический труд. Во многих российских городах, в том числе и в Новосибирске, стали выходить «Окна ТАСС» с патриотическими плакатами, звучными лозунгами и призывами, песнями, частушками, злой сатирой и карикатурами на врага. Они имели большую популярность у населения, чему во многом способствовало активное участие в их создании писателей. В Новосибирске – Е. Стюарт, Б. Богаткова, А. Высоцкого.

Уже в 1942 году издательская деятельность в Новосибирске вновь начинает оживляться. Выходят новые книги А. Коптелова, А. Смердова, Е. Стюарт, К. Урманова, С. Кожевникова. Возобновляется, правда, в несколько ином формате, выпуск «Сибирских огней».

Поскольку многие писатели-сибиряки воевали в составе различных частей и соединений, то редакция «Сибирских огней» старалась использовать малейшую возможность для появления на свет их рассказов, стихов, очерков, повестей. И уж тем более авторов молодых, широкой публике неизвестных. Так, на страницах этих военных выпусков «Сибирских огней» читатели впервые познакомились с творчеством Б. Богаткова, узнали о «сибирском Маресьеве» Николае Мейсаке.

Существовала и своего рода «обратная связь». В годы войны редакцией журнала было подготовлено три выпуска, специально предназначенных для читателей-фронтовиков. Представляли они собой восьмистраничные газетки-брошюрки с рассказами, стихами, очерками, хроникой культурной жизни Сибири. Спецвыпуски были иллюстрированы сибирскими художниками, что делало их особенно выразительными.

В составе творческих бригад новосибирские писатели неоднократно и сами выезжали на фронт, что давало им материал для будущих произведений.

Великая Отечественная война закончилась. Страна переходила на мирные рельсы. Возвращались в родные «пенаты» ещё до войны «крещёные словом» новосибирские писатели-фронтовики Александр Смердов, Александр Куликов, Михаил Кубышкин. Им вослед с полей сражений устремлялось в Новосибирск, обретая здесь свой берег, новое литературное поколение – поэты Николай Перевалов, Василий Пухначев, Иван Ветлугин, Евгений Павличенко, прозаик Владимир Сапожников, критики Николай Яновский и Юлий Мостков. А с Дальнего Востока спешили домой поэт Леонид Чикин, прозаики Георгий Марков, Анатолий Никульков, Василий Коньяков. Сразу после войны «перекочевал» в Новосибирск

из Красноярска молодой, но творчески очень ранний поэт Казимир Лисовский.

Новосибирские литературные «старожилы» с надеждой и волнением принимали пополнение, помогали вставать на ноги.

Неоценимую в этом помощь оказывали литобъединения, возникающие в крупных сибирских городах, как правило, при редакциях областных газет.

А вот литературное объединение «Молодость» родилось в январе 1948 года в стенах дворца культуры имени Клары Цеткин новосибирского завода «Сибсельмаш». Тон на первых порах задавали здесь поэт-фронтовик Н. Перевалов и молодой мастер авиазавода имени Чкалова, а в будущем знаменитый советский поэт Василий Фёдоров, начинавший свой литературный путь в военно-послевоенные годы также в Новосибирске. За десятки лет своего существования «Молодость» воспитала немало известных в Сибири и за её пределами писателей: поэтов Леонида Завальнюка, Игоря Киселева, прозаиков Виктора Лихоносова, Геннадия Михасенко, Василия Коньякова... Нередкими гостями «Молодости» были именитые литераторы из других регионов страны. Здесь можно было увидеть и услышать Роберта Рождественского, Феликса Чуева, Сергея Залыгина, Анатолия Иванова... Высоко отзывался о работе «Молодости» и побывавший в Новосибирске в начале 1960-х годов знаменитый советский композитор Д. Шостакович. Одно из старейших литобъединений Сибири работает и по сей день.

Большое значение для сибирской словесности первых послевоенных лет имела проходившая в конце 1947 года в Новосибирске конференция писателей Сибири, на которой были подведены итоги литературной жизни Сибири 1940-х годов. Конференция призвала сибирских писателей мобили-

зовать силы на выполнение грандиозных задач послевоенного строительства. О важности этого мероприятия говорит хотя бы тот факт, что в его работе принимала участие большая писательская бригада из Москвы. А проведение конференции именно в Новосибирске свидетельствовало о том, что столица Сибири по-прежнему оставалась литературным центром всего зауральского региона.

Возникали в литературной жизни послевоенного Новосибирска и серьёзные вопросы. Так, журнал «Сибирские огни», который с 1946 года снова выходил регулярно, встал перед проблемой острой нехватки интересных авторов, способных привлечь читательское внимание. Она заявила о себе ещё перед началом войны, когда только что возглавивший «Сибирские огни» Савва Кожевников обнаружил, что редакционный портфель пуст. Репрессии вывели из строя многих талантливых опытных литераторов. Великая Отечественная война только усугубила проблему.

И тогда у С. Кожевникова возникла идея пригласить к сотрудничеству бывалых людей, которым есть что и о чём рассказать. В редакцию журнала пришли геологи, геодезисты, изыскатели, охотники... Готовых рукописей ни у кого не оказалось. Гостей попросили вести дневники, делать записи о встречах, о работе, о своих впечатлениях.

На необычном том предвоенном собрании «бывалых» присутствовали два человека, которым будет суждено навечно войти в историю НСО и Сибири, чьими именами впоследствии назовут городские улицы, а также горные перевалы в Саянах и железнодорожные станции. Это инженер-изыскатель Александр Кошурников и начальник геодезической экспедиции Григорий Федосеев.

А. Кошурников с двумя коллегами по заданию новосибирского института «Сибгипротранс» поздней осенью 1942 года

вышел на изыскание железнодорожной линии Абакан – Тайшет, а в начале ноября того же года отряд погиб. Только через год местный охотник случайно наткнулся на труп А. Кошурникова. В его полевой сумке лежал дневник... В самом начале 1946 года, когда готовился первый номер возрождённых после войны «Сибирских огней», член редколлегии Афанасий Коптелов принёс этот огромной силы человеческий документ в редакцию. И в первом номере журнала за 1946 год дневник инженера А. Кошурникова был опубликован. А через два года там же, в «Сибирских огнях», появилась повесть А. Коптелова «Навстречу жизни», в основе которой лежали события той легендарной трагической экспедиции.

Г. Федосеев, более полутора десятка лет отдавший изучению неисследованных мест Сибири и нанесению их на карту, тоже изо дня в день вёл полевые дневники. Но в редакцию послевоенных «Сибирских огней» он принёс не дневниковые записи, а почти готовую рукопись, рассказывающую об одной из экспедиций, руководимой им. Называлась рукопись «Мы идём по Восточному Саяну». И она, и последовавшие за ней повести («В теснинах Джугдыра» и «В тисках Джугдыра») в 1949–1959 годах в журнале «Сибирские огни» были напечатаны, вышли отдельными книгами миллионными тиражами, переведены на иностранные языки. Сегодня имя Г. Федосеева носит один из перевалов Саян и улица в Новосибирске.

«Бывалым» человеком по большому счёту был и сам С. Кожевников, человек большой судьбы, исколесивший вдоль и поперек всю Сибирь, прошедший фронтовыми дорогами. Он много сделал для собирания литературных сил Сибири и для огранки природного дарования целого ряда литераторов Новосибирска. Того же Г. Федосеева. Благодаря С. Кожевникову также в полной мере смог раскрыться талант Е. Стюарт, К. Лисовского, А. Смердова.

Дефицит авторов высокого художественного уровня ощущался всё послевоенное десятилетие, но это вовсе не значило, что ими земля сибирская сильно оскудела. Просто большинство не успело пока проявиться, но «звёздный час» их был не за горами. А чтобы приблизить его, в Новосибирске велась большая работа.

Так, на областном семинаре молодых писателей в январе 1952 года впервые прозвучали имена прозаиков Михаила Михеева и Николая Осинина. В декабре того же года прошёл ещё более представительный семинар молодых сибирских писателей. Участвовали в нём не только отдельные авторы из Новосибирска, районов области и соседних городов Кемерово, Тюмени, Барнаула, но и целые литобъединения. Путёвку в литературную жизнь получили на нём новосибирские поэты Леонид Чикин, Александр Кухно, прозаики Елена Коронатова, Петр Воронин.

В 1952-м произошло литературное рождение ещё одного заметного писателя, литературного и общественного деятеля Новосибирска – Анатолия Никулькова, дебютировавшего с повестью «Достойные счастья». Будущее обнаружит в А. Никулькове не только прозаический, но и критический, драматургический, публицистический талант. Но ещё большую память оставил он о себе как, пожалуй, наиболее успешный за всю его историю главный редактор журнала «Сибирские огни».

Второе послевоенное десятилетие проходило в нашей стране под знаком так называемой «хрущевской оттепели». В 1956 году, на XX съезде КПСС устами первого секретаря ЦК партии Н. С. Хрущёва был осуждён культ личности Сталина, и в общественном климате началось потепление, выразившееся в некотором идеологическом послаблении.

Впрочем, писатели Новосибирска каких-то принципиальных перемен в литературной жизни в результате не заметили. Во всяком случае, проходившее в Новосибирске в середине сентября 1957 года Всесибирское совещание писателей было выдержано в достаточно традиционных идеологических канонах. Что особенно хорошо чувствовалось в официальных выступлениях на пленарных заседаниях. Куда живее и раскованней проходил литературный разговор на творческих семинарах. Да и на таланты то совещание оказалось весьма урожайным. Особенно поэтические. Наибольшее же внимание привлекла поэзия Николая Перевалова. А участников и руководителей прозаического семинара особенно заинтересовал роман молодого новосибирского писателя Анатолия Иванова «Повитель». Произведение это через год напечатали «Сибирские огни». А со временем А. Иванов станет одним из популярнейших советских писателей.

Почти одновременно с А. Ивановым читатели узнали ещё одного интереснейшего, хотя и совершенно противоположного по характеру дарования прозаика, чьё имя прочно связано с городом на Оби, и которому посвятил он немало проникновенных лирических страниц в своих произведениях, – Ильи Лаврова.

В 1958 году Новосибирское книжное издательство выпустило сказочную повесть Юрия Магалифа «Приключения Жакони», которая станет настольной книгой для нескольких поколений маленьких читателей и своеобразной «визитной карточкой» самого писателя. Хотя писал он не только для детей, но и взрослых – прозу, стихи.

В начале 1960-х в Новосибирске обосновались ещё два поэта фронтового поколения – Леонид Решетников и Иван Краснов. Они не были сибиряками по рождению, но оба связали с Сибирью и Новосибирской областью всю свою последующую жизнь.

Говоря о новосибирских литераторах второго послевоенного десятилетия, нельзя не упомянуть ещё об одном, впоследствии известном поэте и журналисте, чьё творческое становление, несмотря на довольно непродолжительный срок пребывания в Новосибирске, связано именно с этим городом. Это Илья Фоняков. После окончания Ленинградского государственного университета в 1957 году он приехал по распределению в Новосибирск, где работал корреспондентом местных и центральных газет, писал публицистические материалы и стихи. Но в литературной жизни Новосибирска И. Фоняков оставил след не только как поэт и журналист. Почти десятилетие руководил он городским литературным объединением при газете «Молодость Сибири», сделавшимся стартовой площадкой для многих сибирских поэтов и прозаиков. Как и «Молодость», литобъединение И. Фонякова стало поистине легендарным.

Очень бурным в литературной жизни страны выдался период с середины шестидесятых до начала восьмидесятых годов. Сибирь в это время не раз становилась центром важнейших литературных мероприятий. В 1965-м в Чите и в 1966 году в Кемерово прошли зональные совещания-семинары молодых литераторов Сибири, открывших целую плеяду талантливых писателей. Здесь впервые прозвучали имена Валентина Распутина, Александра Вампилова, новосибирских поэтов Виктора Крещика и Нины Греховой. Традиционными стали областные семинары молодых литераторов, проводимые местными писательскими организациями, где тоже выявлялись способные авторы. Проходили такие семинары раз в два года и в Новосибирске.

Мощный натиск свежих литературных сил, продолжавшийся полтора десятилетия, можно объяснить, с одной стороны, естественной сменой писательских поколений, а с другой – на-

блюдавшимися в стране социально-экономическим подъёмом, передним краем которого была Сибирь, являвшаяся в эти годы местом больших новостроек. Здесь возводились гигантские ГЭС, промышленные предприятия, прокладывались через тайгу и горы дороги, велись геологические изыскания, бурились нефтяные скважины. Везде работала молодёжь, и всё это было объектом пристального внимания их ровесников. Молодые писали о молодых. Появляется целый пласт литературы, художественным материалом и источником которого стали именно социально-экономические преобразования Сибири. Пласт этот оказался настолько значительным, что заставил издателей задуматься о глубокой его «разработке». И тогда в Западно-Сибирском книжном издательстве (Новосибирск) родилась идея выпуска 50-томной библиотеки «Молодая проза Сибири», которая объединила бы под одной «крышей» талантливую молодёжь, чей приход в литературу был обусловлен бурным развитием Сибири и кровным родством авторов со своими молодыми героями-преобразователями.

Автором идеи и первым главным редактором «библиотеки» был известный новосибирский очеркист и переводчик Абрам Китайник. «Молодая проза Сибири» познакомила читателей со многими талантливыми авторами, в том числе и новосибирскими.

Ряды новосибирских писателей за полтора десятилетия (1965–1980) значительно пополнились. Во весь голос заявили о себе прозаики Василий Коньяков, Николай Самохин, Анатолий Черноусов, Аскольд Якубовский, Евгений Городецкий, поэты Александр Плитченко, Геннадий Карпунин, Александр Ромаснов, Нина Грехова, критики Виталий Коржев, Владимир Шапошников... Пришло фактически новое литературное поколение со своим жизненным опытом, мировосприятием, своим характерным творческим почерком.

Но и у писателей старших не отсырел пока «порох в пороховницах». Продолжали разрабатывать пласт военной темы Л. Решетников, уверенно доказывающий своей поэзией, что ещё далеко не «всё сказано, всё спето о войне» (о чём, в частности, свидетельствует Государственная премия РСФСР, полученная поэтом за книгу «Благодарение»), И. Краснов, с горечью констатировавший, что и десятилетия спустя фронтовиков «догоняют осколки – острозубые волки войны». Возвышенно-патетические, патриотические стихи и поэмы пишет Л. Чикин. Эхо войны продолжает звучать и в некоторых произведениях В. Сапожникова, хотя он всё решительнее переходит на «мирные рельсы», стремясь «в меру сил написать правдивый портрет Времени». Ту же, собственно, задачу ставит в романах и повестях этого периода и Е. Коронатова. Продолжает «засевать» свою лирическую «полоску» И. Лавров. Но уже ощущается в его прозе (прежде всего в романе воспоминаний «Мои бессонные ночи») и эпическое дыхание. 1970-е годы стали очень плодотворным периодом в творчестве Ю. Магалифа. Продолжая писать сказочные повести, он выступает и как взрослый писатель. А вот А. Коптелов всё своё внимание сосредоточивает на ленинской теме. (Его трилогия о В. И. Ленине будет удостоена Государственной премии СССР).

Так что свежая литературная кровь побуждала к творческой активности и старшее поколение.

И снова следует добрым словом вспомнить журнал «Сибирские огни». Ведь без него творческое цветение молодой литературной поросли шестидесятых-семидесятых годов едва ли смогло бы стать таким плодоносным. Именно здесь молодые сибирские авторы получали первое боевое крещение, именно тут проходили их «смотрины» и читательский суд. И огромная заслуга в этом была главных редакторов журнала – А. Смердова, возглавлявшего его с 1965 по 1975

год и А. Никулькова (1976 – 1987), очень много сделавших для воспитания литературной смены.

Как покажет будущее, тот сравнительно небольшой (с 1965 по 1980-е годы) отрезок литературной истории НСО стал, несмотря на известные негативные идеологические тенденции, своеобразным её расцветом и пиком. И как результат к восьмидесятым годам в Новосибирской области сложился крупнейший и мощнейший в провинциальной России по творческому потенциалу писательский отряд. А потому совершенно логично проведение в конце 1970-х в Новосибирске двух крупных литературных общероссийских мероприятий. В июле 1977 года здесь прошли Дни российской литературы. А в марте 1978 года состоялось выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР на тему «Личность, НТР, литература».

Весьма насыщенной была литературная жизнь НСО и в 1980-е годы. Активно шло формирование и творческое становление писателей, начавших литературный путь в предыдущем десятилетии – Петр Дедов, Нелли Закусина, Анатолий Черноусов, Геннадий Прашкевич, Михаил Черненко, Михаил Щукин, Таисья Пьянкова...

Не сдавали свои позиции и ветераны, хотя заметно редели их ряды, да и творческий облик многих в стремлении идти со временем в ногу тоже ощутимо менялся. Так, к концу восьмидесятых В. Сапожников уже больше историк, социолог, публицист, ищущий ответы на жизненно важные вопросы современного бытия, нежели художник, что лучше всего, пожалуй, подтверждает его объёмное художественно-публицистическое повествование той поры «Распятие с бриллиантами».

Что касается племени «младого, незнакомого», то было оно на сей раз не так многочисленно, как хотелось бы, но без открытия новых дарований не обходилось. В 1982 году в

Новосибирске на Всесибирском семинаре молодых литераторов высокую оценку получила проза новосибирцев Николая Шипилова и Татьяны Набатниковой.

Едва ли не самыми трудными в литературной истории Новосибирска оказались переломные 1990-е годы. Чем-то схожи были они с двадцатыми. С той, правда, принципиальной разницей, что если тогда шло собирание и объединение литературных сил Сибири, то теперь начался обратный процесс, тесно связанный с разрушительными социальными и экономическими подвижками, происходившими в нашей стране в последнее десятилетие XX века. Трещало по всем швам ещё недавно общее культурное и литературное пространство, обрывались региональные связи, рушилась единая книгоиздательская система, фактически переставала существовать профессия писателя.

Всё это, безусловно, не могло не сказываться на литературной жизни и положении писателей: и материальном, конечно, но больше моральном и психологическом. Пишущие люди не перевелись, но качество литературной продукции заметно упало. А возможность издаваться не за государственный, а за свой или спонсоров счёт, да ещё, так сказать, «в авторской редакции» планку и вовсе уронило. Да и тон задавала теперь отнюдь не художественная литература в её высоком понимании, а ширпотребовская беллетристика. Тем более что даже государственные издательства и издания, чтобы выжить в новых рыночных условиях, предпочтение отдавали коммерческому чтиву.

Хорошо это видно на примере крупнейшего когда-то в Сибири – сначала Западно-Сибирского, а потом и Новосибирского – книжного издательства. Поначалу оно ещё предпринимало попытки выпускать книги местных авторов, но, как и большинство его российских собратьев, брошенное

государством на произвол судьбы, в конце концов, стало выживать только за счёт так называемой «заказухи».

Судорожно пытался выплыть в рыночной стремнине и журнал «Сибирские огни», тоже пускаясь подчас во все тяжкие. Тираж журнала стремительно падал, сокращалась периодичность. В 1995 году и вовсе вышел всего один номер. Журнал, который десятилетиями был становым хребтом сибирской литературы, фактически переставал существовать...

Не удивительно, что при наличии значительной массы сочинительской «руды» золотые блёстки талантов попадались всё реже и реже. Да и некому было в отсутствии главного «старателя» литературного золота – лежащих «на боку» «Сибирских огней» – это золото мыть.

Те же, кто в последнее десятилетие XX века более или менее весомо заявлял о себе, открытием девяностых годов, как правило, не были. Так, например, голоса поэтов Валерия Малышева, Анатолия Соколова, Жанны Зыряновой, Евгения Мартышева, Александра Денисенко и ряда других, впервые зазвучали ещё на рубеже шестидесятых-семидесятых годов. И после долгого по разным причинам перерыва вновь дали о себе знать (и обрели читательское признание) уже на исходе двадцатого столетия. Семидесятые годы стали литературным рождением и для прозаиков Владимира Клименко, Анатолия Садырова, а также драматургов Александра Косенкова и Юрия Мирошниченко.

Так что литературное воспроизводство в условиях всеобщего рыночно-базарного хаоса шло трудно и большей частью без качественных результатов.

На состоянии литературной атмосферы Новосибирска это отражалось тем болезненнее, что и голосов писателей старших поколений было уже почти не слышно. Многие в такой обстановке растерялись, для некоторых это стало при-

чиной преждевременного ухода из жизни. В девяностые годы Новосибирск не досчитался многих признанных писателей.

А. Коптелов, Л. Решетников, Л. Чикин, Е. Коронатова, И. Краснов, Н. Яновский, В. Сапожников, И. Ветлугин, Ю. Магалиф, А. Черноусов, В. Коньяков, А. Плитченко, В. Коржев, Г. Карпунин. Уходили один за другим лучшие мастера слова НСО. И достойной смены им пока не находилось.

И если к восьмидесятым годам новосибирские писатели пришли сильным сплочённым отрядом, то третье тысячелетие они встретили бледной его тенью. И не находилось пока силы, способной упорядочить и направить в нужное русло этот литературный хаос. Хотя попытки и предпринимались.

В ноябре 1999 года в Новосибирске состоялся III съезд писателей Сибири, на котором обсуждались насущные проблемы литературного процесса. А через три года в Новосибирске пройдёт и IV съезд писателей Сибири, обсуждавший примерно тот же круг проблем, что и предыдущий. Однако, в отличие от первого, «зазубринского», съезда 1926 года, эти писательские форумы фактически никакого влияния на литературную жизнь Сибири не оказали и изменений в неё не привнесли. Много чего было заявлено и декларировано, но мало выполнено. А главное – по-настоящему объединительными, цементирующими писательские ряды, делающие их серьёзной, влиятельной социальной и культурной силой, способной решать большие задачи, III и IV съезды писателей Сибири так и не стали.

* * *

Даже из краткого исторического экскурса видно, что Новосибирск никогда не страдал отсутствием писателей хороших и разных, а Новосибирская областная писательская организация была не только наиболее крупной и сильной за Уралом, но и самой универсальной по жанровому разнообразию своего состава. Ни в одной другой региональной писатель-

ской организации (кроме Москвы и Ленинграда) невозможно было встретить одновременно поэтов и прозаиков, мастеров приключенческого жанра и драматургов, детских писателей и литературных критиков, специалистов литературного перевода и очеркистов-публицистов, юмористов-сатириков и сказителей... В творчестве же новосибирских писателей был представлен практически весь жанровый спектр словесного искусства. И не просто представлен. Каждый из жанров ещё и достаточно плодотворно развивался.

Сегодня новосибирская литература, как, впрочем, и вся российская, переживает сложные времена. Она ещё не вышла из затяжного кризиса, начавшегося в девяностые. Новые времена предполагают новые песни. Редко, но, бывает, слышны они и сегодня.

Едва ли не главным открытием сибирской литературы начала третьего тысячелетия стал новосибирский писатель Виорэль Ломов, дебютировавший в 2000-м году в «Сибирских огнях» с романом «Мурлов, или Преодоление отсутствия».

Удачное начало не всегда имеет достойное продолжение, и нередко бывает так, что новорожденная звезда гаснет, не успев разгореться. С Ломовым такого не случилось. За «Мурловым» последовали романы «Сердце бройлера», «Солнце слепых», «Архив» и повесть «Музей» – произведения такие же захватывающе увлекательные, художественно яркие и оригинальные, объединённые темой преодоления духовной пустоты и серости повседневного бытия. Четыре этих больших романа и повесть увидели свет в течение всего шести лет. Темпы удивительные! Да ещё при отличном художественном качестве и явном новаторстве. Что дало повод критику В. Яранцеву назвать В. Ломова «одним из рыцарей и естествоиспытателей реализма нового века»*.

* Яранцев В. Марафон длиною в четыре романа. // Виорэль Ломов. Солнце слепых. – М., 2007. – С. 724.

К числу же поэтических открытий можно отнести нашу землячку Ольгу Киевскую. Её имя во весь голос зазвучало в «нулевые» годы. Она ворвалась в поэзию стремительно и бурно. Дебютировав в 2005 году сборником «Мои неистовые птицы», О. Киевская стала автором ещё нескольких стихотворных книг и многочисленных публикаций в периодике и Интернете, сделавших её известной и популярной далеко за пределами Новосибирской области. Что дало повод Е. Мартышеву, одному из первых литературных наставников О. Киевской, сравнить её поэтическое восхождение с вертикальным взлётом морского истребителя с палубы авианосца. И взлёт этот совсем не случаен – настолько самобытно, оригинально её творчество. Свои стихи поэтесса уподобляет «неистовым птицам», которые она отправляет искать «истины зерно». Непростой и неблизкий поиск этот продолжается.

В творческом поиске находится не только «племя младое, незнакомое». До конца дней своих интересно и плодотворно работал патриарх сибирского очерка, прозаик Геннадий Никитович Падерин (1921–2012), столетие которого пришлось на декабрь 2021 года. Некоторые же более молодые его коллеги, начинавшие ещё в 1980-е, переживают на пороге нового века настоящий ренессанс.

Так, имя Владимира Берязева было хорошо известно читателю ещё в 1980-х годах. Одним из самых бурно развивающихся русских поэтов Сибири остаётся он и в начале XXI века. Только теперь особенно активно и целеустремлённо осваивает эпический жанр. О чём свидетельствует его книга «Знамя Чингиса» (2013), где собрано почти два десятка больших поэм, большей частью написанных уже в нынешнем столетии. Оценивая их, известный критик Ст. Золотцев пишет, что Берязев «вызрел не просто в настоящего поэта... Он стал писателем универсального, крупного лироэпического плана, способного соединять своё осмысление нынешнего часа от-

ечества и мира с историко-философским и гражданственным охватом глубин русской и мировой истории, создавая в творчестве небывало новый «архетип» Евразии...»

«Поэт эпического дыхания», интенсивно работающий в начале третьего тысячелетия в лиро-эпическом жанре, В. Берязев не чурается в эти годы и чистой лирики, подборки которой появлялись в литературных журналах России, ближнего и дальнего Зарубежья. В 2008 году по итогам регионального конкурса В. Берязев был признан лучшим поэтом Урала и Сибири. И тогда же в качестве поэта-лирика стал лауреатом Всероссийской литературной премии им. Н. А. Клюева. Отмечена лирика В. Берязева была и премией им. М. Волошина. Представляя один из лирических сборников В. Берязева, поэт Ю. Кублановский писал: «Пафос и лиризм находятся здесь в непринуждённой стихийной спайке. Это поэзия свежая, не закаменевшая, не забронзовевшая в самолюбовании и самозначительности»*. А в лучших своих образцах, добавим, достигающая почти классической ясности и простоты. Не случайно ряд лирических стихотворений В. Берязева включён в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX века», вышедшую в 2011 году в Москве.

Подобного рода лиро-эпический поворот сделал на рубеже тысячелетий и новосибирский поэт Евгений Мартышев, обратившись к жанру поэтической сказки, ныне чрезвычайно редкому, даже экзотическому. До этих пор Е. Мартышев был знаком читателю преимущественно проникновенным тонким лириком с собственным лицом и голосом. И, взявшись за сказочные поэмы, Е. Мартышев поначалу действительно очень удивил всех знавших его творчество. Но, как покажет

* Кублановский Ю. Предисловие к кн. В. Берязева «Ангел расстояния». – М., 2009.

время, именно они принесут поэту особенную популярность и читательскую признательность.

Сказки Е. Мартышева (а ныне это целый свод числом более десятка произведений, своего рода новый русский эпос, подчинённый при различных сюжетах каждой его части единым идейно-художественным и эстетическим задачам) восходят к народным, фольклорным истокам, но с другой стороны, опираются на традиции русской литературной сказки, заложенные А. Пушкиным и П. Ершовым. А это не только сочная изобразительность, живость и колоритность характеров, острота и динамизм повествования, но и притчевость, философичность, особый взгляд на современность через волшебное стекло сказочного действия. Всё это сполна присутствует в сказках Е. Мартышева. При всём том пронизаны они живительным светом доброты и красоты, несут в себе мощный заряд бодрой силы, оптимизма и патриотизма.

Как видим, не иссякает в наших родных краях литературная жизнь и поныне. Идёт очередная смена поколений. И, возможно, не за горами время, когда новые песни новых времён и новых литературных исполнителей будут слышны отовсюду. Отзовутся ли они в сердце нашем, затронут ли душевные струны?..

Время покажет.

А пока не забыть бы песен уже спетых, читательским сердцем и душой проверенных и принятых...

Не забыть бы того, что у Новосибирской области была славная литературная история и многочисленная, разнообразных талантов плеяда писателей, оставивших в культурном пространстве Сибири заметный след и занявших в нём достойное место.